

УДК 94:393(470.47)(517)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.68.79>

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РОССИЙСКИХ КАЛМЫКОВ И ОЙРАТОВ ЗАРУБЕЖЬЯ В XVII-XXI ВВ.¹

©2024 г. П.М. Кольцов, Н. Ганбат, С.А. Умгаев, К.П. Кольцова

Статья посвящена общему и различному в погребальном обряде калмыков и ойратов зарубежья с XVII по XXI вв. Тема важна в контексте вопроса о калмыцкой и ойратской идентичности. Калмыки прошли длительный исторический путь вдали от общности ойратских народов, соответственно вопрос о сравнении погребального обряда относится ещё и к проблеме трансформации этнической культуры. *Материалы и методы.* Статья основана на историко-этнографическом методе, который заключается в анализе информации о погребальном обряде, используя данные исторических источников, археологии, собственного наблюдения. В статье используются материалы путешественников и исследователей калмыцкого и ойрат-монгольского погребального обряда. *Результаты.* В статье рассматриваются погребальные ритуалы калмыков и ойратов зарубежья, с учётом существующей вариативности. Дополняют анализ материалы американских калмыков, погребальный обряд которых также имеет свою особенность. Известно, что у ойратов было множество видов захоронений: в земле, в огне, в воздухе, в воде, варианты оставления тела. Изменения хозяйственного уклада в значительной степени повлияли на процесс трансформации погребальной обрядности. В частности, в XXI в. у калмыков осталось только земляное захоронение и, как более редкий вариант, кремация. *Выводы.* В целом, погребальный обряд калмыков и ойратов зарубежья сохранил свои принципиальные символические элементы, такие как: подготовка тела покойного; его вынос; обряды, сопровождающие захоронения – обряд очищения после похорон, соблюдения 49-го траура, важность 7-го дня и т.д. Имеющиеся различия продиктованы тем историческим путём, которые прошли калмыки: отсутствие кремации, детализации ритуалов, более скромная обрядовая система, исчезновение некоторых добуддистских обрядов и т.д.

Ключевые слова: погребальный обряд, калмыки, ойраты, торгуды Монголии, сравнение похоронных обрядов, ингумация, кремация, ойратская идентичность.

COMMON AND SPECIAL IN THE FUNERAL RITE OF RUSSIAN KALMYKS AND OIRATS ABROAD IN THE XVII-XXI CENTURIES²

P.M. Koltsov, N. Ganbat, S.A. Umgaev, K.P. Koltsova

The article is devoted to the commonality and peculiarity in funeral rite of the Kalmyks and Oirats abroad from the XVII to the XXI centuries. The topic is important in the context of the question of Kalmyk and Oirat identity. The Kalmyks have passed a long historical way far from the community of the Oirat peoples, so the question of comparing the funeral rite also related to the issues of the transformation of ethnic culture. *Materials and methods.* The article is based on the historical and ethnographic method, which consists in analyzing information about the funeral rite using data from historical sources, archaeology and personal observation. The article uses materials from travelers and researchers of the Kalmyk and Oirat-Mongol funeral rite. *Results.* The article examines the funeral rituals of the Kalmyks and Oirats abroad, taking into account the existing variability. The analysis is supplemented by the materials of the American Kalmyks, whose funeral rite also has its own peculiarity. It is known that the Oirats had many types of burials: in the ground, in fire, in the air, in water and variants of leaving the body. Changes in the economic structure had significantly impact on the process of transformation of funeral rites. In particular, in the XXI century, the Kalmyks had only an earthen burial and, as a rarer option, cremation. *Conclusions.* In general, the funeral rite of the Kalmyks and Oirats

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-10065, <https://rscf.ru/23-28-10065/> «Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках».

² The research was prepared as a part Russian Science Foundation (РНФ) project No. 23-28-10086 "The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga Delta (comprehensive archaeological research at the Samosdelka settlement)"

abroad has retained its fundamental symbolic elements, such as: preparation of the body of the deceased; its carrying-out; rituals, accompanying burials – the rite of purification after the funeral, observance of the 49th mourning period, the importance of the 7th day, etc. The existing differences are dictated by the historical way that the Kalmyks passed through: the absence of cremation, detailed rituals, more modest ritual system, the disappearance of some pre-Buddhist rituals, etc.

Keywords: funeral rite, Kalmyks, Oirats, torgouts in Mongolia, comparison of funeral rites, inhumation, cremation, Oirat identity.

Введение

Ойраты, группа западномонгольских племён оказались в раннее Новое время расселёнными на значительном расстоянии друг от друга. В частности, калмыки на протяжении более чем четырёх столетий проживали в отдалении от ареала обитания ойратских племён. Разумеется, калмыки поддерживали какие-то дипломатические, религиозные и внешнеполитические контакты с Азией, в том числе с монгольско-ойратским миром.

В этом контексте актуально рассмотреть погребальные ритуалы калмыков и зарубежных ойрат-монголов, опираясь на этнографические и археологические материалы. Сравнительная характеристика погребальных обрядов позволит выявить общие и региональные различия в представлениях родственных этносов, проследить символичность реальности, рассмотреть направление процессов трансформации погребального ритуала.

Развитие представлений о собственном прошлом, обращение современного общества к проблемам этники и традиционной культуры обосновывает общественную актуальность настоящей работы. Необходимо дать реальную и обоснованную картину о многообразии погребальной калмыцкой обрядности.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы. Источниками по истории погребальной обрядности у калмыков были заметки и записки различных путешественников, исследователей и этнологов. Эпизодическое упоминания похоронных обрядов калмыков встречается у И.И. Лепехина (Лепехин, 1822), П. Небольсина, И.А. (Небольсин, 1852, с. 96), Кастанье (Кастанье, 1905, с. 180–186), П.С. Палласа (Паллас, 1773), И.Г. Георги (Георги, 1799), И.А. Житецкого (Житецкий, 1893, 75 с.), Н. Львовского (Львовский, 1894, с. 1–54), Я.П. Дуброва (Дубров, 1898) и других авторов, посещавших калмыцкую степь. В советское время вопросом занялись профессиональные этнографы, в том числе и представители калмыцкого народа. Среди

них: У.Д. Душан (Душан, 1929, с. 79–86; Душан, 1973, с. 31–107), Пальмов Н.Н. (Пальмов, 1927), Х.Б. Кануков (Кануков, 1928), Г.С. Лыткин (Лыткин, 1861), Д.А. Павлов (Павлов, 1968, с. 23), В.П. Дарбакова (Дарбакова, 1976, с. 134–138, она же, 1977, с. 92–100), У.Э. Эрдниев (Эрдниев, 1970), Э.П. Бакаева и другие (Бакаева и др., 1988, с. 98–110; Шареева, 2010, с. 45–50; Кольцов и др., 2011, с. 9–16; Кольцов и др., 2017, с. 115–121). В 1988 г. Э.П. Бакаева и Э.-Б. Гучинова издали совместную статью, в которой рассмотрели историографию вопроса и этнографические источники по погребальным обрядам калмыков (Гучинова, 1985, с. 90–97; Бакаева и др., 1988, с. 98–100). В статье они опирались на археологический материал, в частности – на захоронение XVII в., расположенной на территории ойратского монастыря «Семь палат» (Радлов, 1894, с. 53–58).

Это было трупосожжение по буддистскому обряду, который появился у калмыков вместе с религией (Армстронг, 1860, с. 2). Большим подспорьем в изучении погребального обряда ойратов Монголии являются материалы Н. Ганбата, состоящие в основном из полевых наблюдений автора (Н. Ганбат. Погребальный обряд торгуудов)

2.2. Методы исследования. В работе использовались методы – этнографические и исторического анализа. Этнографический метод заключается в сборе информации о жизни этноса, с использованием различных источников, в том числе и полевые наблюдения, использованные авторами. Этнографические данные перекликаются с археологическими источниками, особенно в части погребального обряда, который можно ясно проследить как на этнографическом, так и на археологическом материале.

Результаты

Погребения является важной частью обрядов жизненного цикла. Жизнь человека начинается с его рождения и заканчивается смертью, соответственно два эти важнейших для

общества события сопровождаются ключевыми обрядами: рождения и погребения. Между рождением и смертью располагаются обряды перехода, символизирующие собой смерть и новое рождение, такие как ритуалы инициации, свадебная обрядность и другие. В символическом выражении, обряды жизненного цикла заключают в себе жизнь человека в глазах социума: без проведения обряда рождения человек как бы не появляется на свет, не существует, без погребального обряда он не может умереть.

Глубокий символизм, заключённый в обрядах, включает в себе ещё и единство жизни коллектива, общества. При всём многообразии индивидуальных путей и жизненных направлений, всё всегда приходит к этим важнейшим путевым точкам, связывающим реальную и символическую реальность.

В целом, похоронная обрядность включает в себя погребальные и поминальные действия, т.е. захоронение тела покойника и дальнейшие действия, которые происходят уже после похорон. В то же время нельзя отделить одно от другого, т.к. всё это в символическом отношении одно действие, призванное отправить человека в иное состояние. Смерть в символическом мире не означает конец, это переход в некое другое состояние, очередной переход. В жизненном цикле человек испытывает множество символических «смертей», к примеру, когда перестаёт быть ребёнком (ребёнок умирает, на его месте рождается новый взрослый человек), женится или выходит замуж и т.д. Соответственно, в погребальной обрядности скрыт смысл и понимание этого перехода. Откуда и куда?

Поэтому в похоронные обряды уже встроена символическая картина мира, представления об устройстве Вселенной, об отношениях между людьми, родичами, богами и т.д. Символическая география перехода повествует нам как об устройстве реальности, в которую покойник переходит, так и об её взаимоотношениях с нашим миром. В погребальном обряде это выражается в различных аспектах ритуала: подготовки тела покойного, выбора места проведения ритуала или захоронения, в сопутствующих действиях, в вещах, которые также совершают переход вместе с покойным и т.д.

Всё это многообразие смыслов, скрытое в обрядах жизненного цикла, объединяет разделяющих общую символическую реальность

членов этноса. Сохраняя своё мировоззрение, они сохраняют единство, связь и этническую идентичность, даже находясь на удалении друг от друга.

Отличительной чертой калмыцкого погребального обряда является его разнообразие. В различные исторические эпохи, в различных ситуациях, различные этнические и родовые группы калмыков и ойратов практиковали различные погребальные обряды. Всего существует четыре основных вида погребальных обрядов: захоронение в земле (ингумация), кремация (огненное захоронение), водное захоронение, воздушное захоронение (арангасное) и наземное оставление трупа (Кольцов и др., 2017, с. 115–121). Все эти способы погребального обряда практиковались исторически. Однако, современные способы захоронения сведены к двум: захоронение в земле и кремирование. Другие виды можно считать историческими.

Такое многообразие способов захоронить покойника говорить в первую очередь о наложении различных пластов истории и культуры. Всё это привело к усложнению символической реальности, смешению до-буддистских и буддистских представлений о душе и загробном мире, о перерождении и т.д.

Исторически, ойраты проживали в центральноазиатском регионе, Рашид-ад-дин считал, что Восьмирье является местом проживания современных ему ойратских племён (Рашид-ад-дин, 1952). Реконструируя представления арабов о мире, можно предположить, что Восьмирье находится в верховьях реки Енисей, где пересекаются бассейны различных рек (Шишхид-гол, Кызыл-хем и др.) и истоков Енисея (Большой и Малый Енисей). Сейчас это восточная часть Тувы, а также Хубсугульский аймак Монголии. Примечательным природным объектом является окружённая горами Дархатская котловина. Это таёжная зона, покрытая горами, неровностями, холмами, ущельями и долинами (Санчилов, 2009, с. 68–74.).

Исходя из реалий этнического бытия формировался и погребальный обряд: это воздушно-арангасное захоронение, когда покойников хоронили непосредственно на ветках таёжных деревьев или же на специальных деревянных платформах на шестах.

Во времена монгольских завоеваний и Золотой Орды кочевники, в том числе и ойраты,

хоронили покойников земле. Археологические источники указывают на наличие земляных захоронений, сгруппированных в могильники по 2-3 захоронения. Над могильниками сделана каменная насыпь обычно овальной, но иногда круглой формы. Могильную яму иногда обустраивали деревом, плитами, подбивали различными материалами. У ойратов встречалось как простая ингумация, так и захоронение в гробах, сделанных из деревянных досок или представляющих собой деревянные рамы, скреплённые переплетёнными прутьями. Труположение на спине, вытянуто, головой на север, но не строго, а с небольшими отклонениями (Лхагвасурен, 1994).

Вещи и пища также часто (но не всегда) присутствовали в могилах.

После принятия буддизма ойратами появляется третий вариант погребальной обрядности – кремация, огненное захоронение. Оно соответствует буддистскому канону, однако, другие типы захоронения также продолжают присутствовать. По всей видимости, буддистские священники определяли обстоятельства, места, время и способ захоронения (Позднеев, 1993, с. 463–474). Известно, что кремация в степных условиях является достаточно проблематичным способом захоронения покойника, так что к нему чаще обращались представители элиты.

Существовавшее у ойратов многообразие погребальных ритуалов в полной мере унаследовали и калмыки: «... покойников своих оставляют они или для истлевания на вольном воздухе, или погружают их в воду, или зарывают в землю, или сжигают. ... Над некоторыми покойниками складывают они груды камней. В воду опускаются большей частью умершие дети. Погребаемые под каменными грудями или в землю кладутся с оружием. Сожжения удаиваются тела токмо умерших князей, верховных священнослужителей и почитаемых между ними за святых обою пола» (Георги, 2005, с. 407–408). И.А. Кастанье замечает: «тогда как у других народов мы иногда встречаем от двух до трех способов погребения, у монголов ламаитов насчитывается их от шести до семи». Он также отмечает, что кремацию использует только элита: «...пепел собирают и сохраняют у себя в урне до тех пор, пока кто-нибудь из них, отправляясь в Тибет, не унесет его вместе с подарками Далай-Ламе». Остальные способы – это

простая ингумация без насыпи, оставление на земле (или в естественном углублении), воздушное захоронение в деревьях, водное захоронение в водоёмы. Промежуточным вариантом является захоронение трупа на земле под грудой камней, которые накладывались на него (Кастанье, 1905, с. 180–186).

Подобное многообразие нельзя объяснить произвольностью форм погребального обряда, учитывая его ключевую роль в обрядовой системе общества. Считается, что сохранение родовой и субэтнической идентичности калмыцкого общества, предопределило разнообразие используемых вариантов погребального обряда.

По мере исторического развития, наиболее архаичные формы погребального обряда теряли свою актуальность – это различные формы оставления тела, воздушное и водное захоронение. Огненное захоронение, т.е. кремация, сохраняло свою актуальность благодаря буддистской религии. Интересно, что буддизм в своём традиционно гибком подходе способствовал сохранению у народа различных форм погребального ритуала (Ольденбург, 1991).

Соответственно, на рубеже веков в Калмыкии сохранились только земляное захоронение и кремация. Гражданская война, советская власть, репрессии против религиозных деятелей и депортация калмыцкого народа привели к тому, что из всего многообразия форм погребального обряда сохранилось только земляное захоронение. Обряд кремации фактически исчезает, и в настоящее время используется как экзотический вариант.

Современный обряд похорон у калмыков также обладает своей вариативностью. В частности, существуют различия в традиционном «буддистском» и в собственно калмыцком похоронном обряде. Наблюдаются также региональные особенности. Однако, в целом можно выделить единую структуру современного погребального обряда у калмыков.

Родственники обращаются в хурул для того, чтобы узнать подходящий для проведения погребения дату. В день захоронения копают могилу, однако сами родственники не принимают в этом участия. Хоронят покойника в деревянном гробу в достаточно глубокую могилу прямоугольной формы. Могила как правило ориентирована по линии восток-запад, иногда с подбоем на южной стороне. На восточной стенке могилы часто дела-

ют неглубокую нишу для лампадки. Вынос тела осуществляется в тот же день, до обеда. Покойника выносят ногами вперёд, при этом обосновывают словами: «Чтобы не смог вернуться».

Гроб везут или несут на кладбище, там устанавливают перед ямой на табуретки или подставки. Происходит прощание с покойным, траурный митинг. Затем гроб на полотенцах опускают в могильную яму, помещают наполовину в подбой (если есть), а в нишу помещают зажжённую лампадку.

Участники похоронной процессии трижды обходят могильную яму с гробом, бросают в неё горсть земли. Обход является важной частью как погребального, так и поминального ритуала, т.к. символизирует собой круг – центральный для буддизма символ. После обхода могилу засыпают, над ней насыпают земляной вал, ставят временную тумбу, которую затем заменяют памятной плитой с изображением покойника, датой жизни, иными надписями. На земляной вал с различных сторон устанавливают траурные венки от родственников, друзей, коллег, сослуживцев. Кроме того, на могиле оставляют жёлтые и серебряные монеты, а также пищу. Перед тем, как покинуть кладбище, необходимо разделить с покойником символическую трапезу – попробовать водку и пищу.

Важной частью погребального ритуала является очищение, которое происходит с помощью воды и огня. Руки моют водой с добавлением молока, с мылом, смазывают маслом, а затем окуривают их и подошвы обуви дымом от костра. Родственники также проходят через очищение зерном (чаще это рис), которое освятили в хуруле. «Проводив» покойника, участники церемонии возвращаются снова в мир живых.

Поминальные обряды совершаются на 7-й и 49-й дни. Во время поминок на 7-й день родственники и близкие посещают кладбище, там устраивают поминальный стол, вся посуда и утварь остаётся на кладбище. Затем поминальный стол накрывается в доме покойного или в банкетном зале, где устанавливают портрет покойника.

В погребальной церемонии калмыков, проживающих в США, существуют незначительные различия. После возвращения с погребальной церемонии перед домом стоит сын усопшего и держит кувшин воды и салфет-

ки для символического очищения. Не используются масло и огонь, в отличие от Калмыкии, где необходимо смазать руки маслом и подержать над открытым огнём. Руки же американские калмыки не моют, а протирают салфетками, воду *аршан* пьют. В дом покойника приглашают священнослужителей (лам), которые проводят ритуалы, используя для этого освящённую воду *аршан* и буддистские колокольчики. Также для очищения используют зерно (чаще рис).

Большое внимание калмыки США уделяют обряду *буин* (помятие души). Этот обряд проводится на 7-й день. Заказывается большая служба, созываются все, кто знал покойника: друзья, коллеги, сослуживцы и т.д.

Российские калмыки напротив считают наиболее важной службу на 49-й день (она называется *хонг таслх* – окончание траура).

Для калмыков США характерен более архаичный ритуал, заключающийся в гендерной сегрегации: женщины сидят за одним столом, мужчины за тремя другими. Мужские столы также расставлены по статусу, с наиболее уважаемыми мужчинами за столом сидят монахи. Пенсионеры сидели за своим столом, а молодёжь (работающие люди) – за своим (Гучинова, 2004).

Ойратская племенная группа Монголии торгуды (торгууды), также сохранила вариативность похоронного обряда. Существует поговорка: *төрөхийг эс тогтоосон хүн үхэхийг тогтоох ёсонгоо* (не пресекший рождение, не отведаёт и смерть – *пер. с монг.*). Как и калмыки, ойраты западной Монголии чаще практиковали захоронения в земле в специально отведённом месте, которое выбирали ламы (буддистские священники) или же старейшины (Г. Ням-Очир, 2017). Обычно это было место на возвышенности, проветриваемое и освещаемое.

Хоронили в гробу-колыбели, называемой *ховол*, из дерева. Гроб готовили только после смерти человека. В XII веке на Алтае нашли ойратские захоронения, где покойника похоронили в выдолбленном гробу. Глубокий символизм заключается в том, что человек приходит в жизнь в колыбели и в ней же уходит из неё (Мэнэс, 1986, с. 93–102).

Исходя из этнографических данных, торгуды Монголии использовали такие виды захоронения как оставление покойника (обычно у

подножия горы), ингумация в гробу-ховоле, кремация.

Оставление на земле у торгудов Монголии и Синьцзяна имеет буддистское толкование: плоть покойника отдаётся природе, животным, т.е. отдаёт то, что взято. Чем быстрее съедено тело, тем быстрее душа покойника уходит в иной мир, обретает новую реинкарнацию. Однако, этот обычай, несомненно, относится к добуддистской эпохе, т.к. не соответствует буддистскому канону.

У торгудов Монголии существовало особое отношение к телу покойника. К примеру, если при жизни он обладал сверхъестественными способностями, был «повелителем стихий», шаманом, умел управлять погодой, то такое тело не оставляли на земле, а обязательно либо закапывали в землю, либо подвергали ритуалу кремации. Как раз кремация пришла к ойратам вместе с буддизмом. Особое отношение было также к покойнику-новорождённому, его вещи, всё, что было ему предназначено, клали в мешок, оставляемый в особом месте.

Погребальный ритуал торгудов Монголии также имеет некоторые различия – в частности лама проводил магические ритуалы с зеркалом и золой, которая символизировала дорогу в мир духов. Траур также длился 49 дней, и все дни траура родственники покойника воскуривали на лампадке прожаренную с топлёным маслом муку. Питаясь дымом душа покойника должна была за 49 дней прибыть к хану мира усопших *Элэг номун хаан*.

Важным элементом обряда торгудов Монголии было омовение тела покойного, после чего тело клалось на бок, мужчина на правый, женщина на левый бок. В XX веке осталось только омовение лица, а тело перестали сдвигать с места. В современной Калмыкии же покойник располагался на спине, ритуалу омовения большого значения не придают.

Существовали различные варианты приготовления тела к погребению. Выбиралась позиция ног и рук, тело покрывалась *дэвэл* – верхней одеждой покойного. После всего тело покойного покрывалось специальным одеялом *хонжил*, украшенным буддистскими надписями.

Однако, в Хобуксаре нередко тело покойного располагали лицом вверх в пустой юрте, а после того, как над ним совершили необходимые ритуалы, помещали в гроб. Похожая ситу-

ация происходил и у калмыков, которые после проведения необходимых ритуалов, помещают покойника в гроб лицом вверх. Считается, что кто-то всегда должен сидеть в комнате с покойником, его нельзя оставлять одного.

Большим отличием традиционных ритуалов торгудов Монголии и Калмыкии выступали различия в их хозяйственном быту. Если ещё в XX веке торгуды проводили множество ритуалов, связанных с жилищем – юртой, то седентаризированные калмыки эти обряды не проводили. Так, для ойратов Монголии характерны были манипуляции с дымником юрты, который держался закрытым до провода покойника в последний путь. Закрытый дымник указывал обществу на то, что в юрте находится покойник.

Существовали и особенности выноса тела из юрты: «... если юрта располагалась по сторонам света на юге, то тело покойного выносили через дверь или через стыки стенки, на месте стыка стенки с дверной рамой разъединяют; если юрта находилась на востоке или на западе, то обычно поднимали стенку юрты и под него выносили тело покойника» (Тангад, 1992, с. 131).

Интересно, что и калмыки, и ойраты Монголии, и американские калмыки – все выносят покойника из жилища вперёд ногами. Торгуды обосновывают это тем, что в жизнь человек приходит вперёд головой, а уходит из жизни он вперёд ногами.

Во время погребения тела у торгудов Монголии важным обрядом является угощение – дайлхан. Во время этого обряда рядом с покойником ставят тарелку, на неё кладут еду: топлёное масло, сладости, варёное мясо. Три раза её проносят над покойником, затем эту еду разделяют участники церемонии. 49 дней эту тарелку не моют.

После погребения тела важным является ритуальное очищение. На обратной дороге важно стряхнуть с себя символическую пыль, поддерживая тем самым символическую границу между мёртвым и живым. Также торгуды Монголии особое внимание уделяют очищению огнём, традиционно это костёр из кизяка или из веток. Затем очищают руки и лицо водой, подкрашенной молоком, смазывают их маслом. Кроме того, используют благовония. Таким образом, можно заметить, что основная канва погребального ритуала совпадает и калмыком, и у ойратов Монголии.

7-й и 49-й день у торгуудов Монголии также важные даты. На 49-й день заканчивается траур, однако, если покойник был преклонного возраста, то траур можно снять и 21-й день. Обязательно в эти дни поклоняются огню – это буддистский мотив.

Поминальная служба проводится на 49-й день, когда родственники, друзья, коллеги и близкие умершего приглашаются в дом для поминального чаепития. В доме проводились различные обряды, центральным являлся обряд освящения огня *гал тахилга*. Он заключался в кормлении огня плиточным чаем, мясом, сладостями. Из масла делали баранью голову, которая смотрела на печь, на огонь.

Самый старший мужчина в семье (имеется в виду возраст) совершал обряд *хурулхи*, который заключался в том, чтобы привлечь в дом благоденствие и изобилие. Он призывал жёлтое солнце, богов и тэнгри, а также и дух усопшего с тем, чтобы он оказал посильную помощь своим близким, которые проводили его в иной мир. Ключевым элементом этого обряда была чаша изобилия *дайлхна аага*, в которую клали угощения и проносили над огнём. При исполнении этого обряда все кричали «хурай хурай хурай» (Личный архив Н. Ганбата).

Этот ритуал, несомненно, имеет буддистское происхождение. В Калмыкии он практически не используется (возможно, встретить в отдельных торгудских семьях).

С приходом буддизма обязательным элементом обряда стало присутствие буддистского священнослужителя – ламы. Это совпадает у всех ойратов. Лама проводит буддистские ритуалы, в частности, ритуал *дором*, который заключается в чтении священной книги и освобождению кармических грехов покойного, что облегчает его загробный путь. Из муки лепится образ, который воплощает негатив, нечистое, плохое, и по завершению ритуала этот образ выбрасывается из жилища. А затем ламу одаривали едой и деньгами, что являлось ритуализированной платой священнослужителю (буддистские ламы живут на подношения верующих).

Кроме этого, важно было присутствие ламы на 7-й день после похорон, и на 14-й день – для совершения обряда омовения, который проводился для родственников. Во время обряда омовения на родственников покойника накладывались табу – нельзя было ничего выносить из дома, делиться едой с посторон-

ними, убивать скот и т.д. Всё это было связано с символическим очищением, разграничением мёртвого и живого. Затем, после обряда, все ограничения снимались, семья, наоборот, стремилась одаривать всех, кто зашёл в гости для выражения соболезнования или для помощи (Личный архив Н. Ганбата).

В целом, мы видим, что совпадающая канва калмыцких и ойрат-монгольских обрядов состоит из двух основных частей: погребения тела и поминального 49-дневного траура. Однако, существуют локальные, родовые различия, как у калмыков, так и у зарубежных ойратов. «Этнографическое исследование традиционных обычаев монголов должно развиваться по меньшей мере в трех направлениях: дифференцировано по локальным этническим группам, путем сравнительного изучения сходных и отличительных черт обычаев монгольских этносов, а также типологического обобщения данных сопоставительного анализа и выявления того ядра обрядовых стереотипов, которые определяют самобытность традиционной культуры монголов...» (Тангад, 1992, с. 131).

Анализируя общее в погребальном обряде калмыков и зарубежных ойратов, необходимо заметить, что сохранилась главная историческая черта погребального обряда монголов – его многообразие. Однако, в XX веке в силу изменения условий жизни всё многообразие погребального обряда свелось к захоронению в землю и к кремации. Это обуславливается изменениями в хозяйственном укладе, переходе от традиционной кочевой культуры к оседлой. Другим фактором являлась этническая консолидация – усиление этнического самосознания, национального чувства, характерное для XX века, привело к некоторой стандартизации обрядов. Эта тенденция коснулась как калмыков, так и зарубежных ойратов Монголии.

Важно отметить, что в рассмотрении погребального ритуала калмыков и зарубежных ойратов чётко видно сохранение основных символических смыслов. Несмотря на то, что в деталях и даже в некоторых второстепенных обрядах погребения различаются, сохраняются основные моменты: подготовка тела, его вынос, погребение, обряд очищения, 49 дней траура, важность 7-го дня.

В погребальном обряде ключевым выступает отделение живого от мёртвого, после проведения погребального ритуала траурная

процессия всегда очищается всеми возможными способами. При этом используются стихии, огонь и вода, а также масло и благовония. В этом обряде видится наложение буддистских представлений на добуддистский языческий субстрат. Характерно обращение к стихиям, ритуалы, не имеющие отношения в буддистской религии, ритуалы обращения не только к душе покойника, но и к духам, местным богам.

Эта символическая линия связывает и сейчас калмыков и зарубежных ойратов, проживающих за многие тысячи километров друг от друга.

Выводы

Если делать заключения о различиях проведённых ритуалов, то необходимо отметить разницу в пройденном калмыками и зарубежными ойратами историческом пути. Самой очевидной разницей будет практически полное отсутствие у современных калмыков кремации. Это связано с советским периодом, во время которого проводились репрессии против священнослужителей. Большой удар по калмыцкой самобытности нанесла депортация калмыцкого народа, которую некоторые приравнивают к этноциду. Пройденный исторический путь привёл к тому, что современные калмыки погребают своих умерших в более-менее однообразном ритуале захоронения без существенной вариативности.

Другим большим различием является наличие у современных торгутов большого

количества архаичных, тэнгрианских обрядов, обращение к солнцу, к местным богам, к тэнгри. У калмыков также существует Цаган Аав, местное божество – хозяин местности, покровитель всего живого, однако, он не играет существенной роли в проведении погребального обряда.

Из калмыцкого обряда также исчезла ритуальная наполненность, характерная для зарубежных ойратов. Она заключается в многообразии ритуальных практик, в наполненности обрядов, в наличии множества деталей, вроде подготовки тела покойного, проведения обрядов поклонения огню *гал тахилга*, обряда очищения *хурулхи* и др. Можно предположить, что калмыки потеряли эти обряды из-за их добуддистского характера, т.к. в современной калмыцкой культуре достаточно сложно встретить языческие элементы.

Таким образом, основные символические элементы погребального обряда калмыков и зарубежных ойратов совпадают, что говорит о той глубокой этнической связи и веках общей истории, которую разделяют все ойратские народы. Существующие различия не носят принципиального характера, а продиктованы различиями исторического пути, который прошли калмыки и ойраты зарубежья. Интересно, что существует сходство трансформации погребального ритуала – от исторического многообразия способов захоронения к захоронению в землю как основному способу.

ЛИТЕРАТУРА

- Армстронг И.А. Семипалатинские древности. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. 31 с.
- Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Погребальный обряд у калмыков в XVII–XX в. // СЭ. 1988. № 4. С. 98–110
- Ганбат Н. Личный архив. Этнографические описания, сделанные автором в 2011–2013 гг. в сомоне Булган, Ховд аймака, в Хобуксаре Синьзяня.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [Иоганн Готлиб, Георги]. СПб., 1799. Т. 4. 385 с.
- Гучинова Э.-Б. Трансформация погребального обряда калмыков // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии / Ред. А.Г. Митиров, Л.С. Бурчинова, А.Н. Команджаев, В.Э. Очир-Гаряев. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 90–97.
- Гучинова Э.-Б.М. Улица "Kalmuk Road": история, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 328 с.
- Дарбакова В.П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 134–138.
- Дарбакова В.П. Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии / Отв. ред. В. Дарбакова. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.
- Дубров Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года: [Сообщение сделал. в общ. собр. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те 28 ноября и 20 дек. 1897 и 27 янв. 1898 г.]. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. - [2], 239 с.

Душан У.Д. О верованиях калмыков в существование души (Этнографические материалы) // Атеист. 1929. № 42. 79–86.

Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3 / Н.Ш. Ташнинов, А.С. Хартунов Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.

Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Этнографического отдела; Т. 13. Вып. 1; Т. 77. Вып. 1. М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1893. [6], II, 75 с.

Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Красный калмык, 1928. 94 с.

Кастанье И.А. Погребальные обряды у калмыков и ламаитов вообще // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 14. Оренбург, 1905. С. 178–187.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Трансформация погребального обряда калмыков во времени и пространстве // Вестник Калмыцкого университета. 2011. № 11. С. 9–16.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков как отражение их мировоззрения // Роль Букеевской Орды в укреплении дружбы, социально-экономических и культурных связей народов (г. Атырау, 12 мая 2011 г.). Атырау: АГУ, 2011. С. 59–65.

Кольцов П.М., Борликов Г.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков в XVII–XX вв. (по данным археологических и письменных источников) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 115–121.

Костенков К. И. Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1868. VIII, 175 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г., и 1769 г. Ч. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1771. 562 с.

Лхагвасурэн Х. Средневековые потребления монголов (XII–XIV вв.). Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. М.: ИА РАН, 1994. 23 с.

Мефодий (Львовский, Николай Васильевич) Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской. Казань: типо-лит. ун-та, 1893. 119 с.

Лыткин Г.С. Материалы для истории ойратов. Астрахань, 1861. 82 с.

Мэнэс Г. О семантике теонима «Ульген» // Археологичн Судал (Археологические исследования). 1986. Т. 11. С. 93–102.

Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. 192 с.

Ням-Очир Г. «Газар шинжих ёсон», составитель Г. Ням-Очир // Свод знаний обследования и выбора местности. 2017. Улан-Батор.

Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М.: Наука, 1991. 279 с.

Павлов Д.А. О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. I. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 23–47.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Изд. II. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 786 с.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2. XVIII век. Астрахань: Издание Калмыцкого областного Исполнительного Комитета, 1927. 226 с.

Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, март, отд. 2. С. 140–170.

Радлов В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1894. 168 с. С. 53–58.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. В 4 т. Т. 1/ Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Под ред. А.А. Семенов. Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1952. 995 с.

Санчилов В. Ойраты – предки калмыков // Сокровища культуры Калмыкии. Наследие народов РФ / сост.: А. М. Тарунов. М.: НИИЦентр, 2009. С. 68–74.

Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР / перевод с мон., яз. Г.Н. Очировой / Традиционная обрядность монгольских народов. Отв. ред. К.М. Герасимова. Новосибирск: Наука, 1992. С. 127–132

Шараева Т.И. Похоронно-погребальная обрядность у калмыков: подготовка покойного к захоронению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 45–50.

Эрдниева У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

Информация об авторах:

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); PetrKoltsov52@mail.ru

Нямдаг Ганбат, доктор PhD, профессор, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); chts17@mail.ru

Умгаев Семен Александрович, старший преподаватель, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия);

Кольцова Кермен Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); carmenring@mail.ru

REFERENCES

Armstrong, I. A. 1860. *Semipalatinsk drevnosti (Semipalatinsk antiquities)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Bakaeva, E. P., Guchinova, E.-B. M. 1988. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* 4, 98–110 (in Russian).

Ganbat, N. 2011–2013. *Lichnyy arkhiv. Etnograficheskie opisaniya, sdelannye avtorom v 2011-2013 gg. v somone Bulgan, Khovd aymaka, v Khobuksare Sin'zyanya (Personal archive. Ethnographic descriptions made by the author in 2011-2013 in the sums Bulgan of the Khovd aimag, in the Khobuxar of Xinjiang)*.

Georgi, I. G. 1799. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey (Description of all the peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, garments, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia)* 4. Saint Petersburg (in Russian).

Guchinova, E.-B. 1985. In Mitirov, A. G., Burchinova, L.S., Komandzhaev, A. N., Ochir-Garyaev, V. E. (eds.). *Problemy sovremennykh etnicheskikh protsessov v Kalmykii (Issues of modern ethnic processes in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR, 90–97 (in Russian).

Guchinova, E.-B. M. 2004. *Ulitsa "Kalmuk Road": istoriya, kul'tura i identichnosti v kalmytskoy obshchine SShA (Kalmuk Road: history, culture and identities in the Kalmyk community of the USA)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).

Darbakova, V. P. 1976. In *Telegin gerl – Svet v stepi (Teegin Gerl – Light in the Steppe)* 2, 134–138 (in Russian).

Darbakova, V. P. 1977. In Darbakova, V. (ed.). *Lamaizm v Kalmykii (Lamaism in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 92–100 (in Russian).

Dubrov, Ya. P. 1898. *Byt kalmykov Stavropol'skoy gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 goda (The life of the Kalmyks of Stavropol province before the publication of the law on March 15, 1892)*. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Russian).

Dushan, U. D. 1929. In *Ateist (Atheist)* 42, 79–86 (in Russian).

Dushan, U. D. 1973. In Tashninov, N. Sh., Khartunov, A. S. (eds.). *Etnograficheskie vesti (Ethnographic news)* 3. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 31–107 (in Russian).

Zhitetskiy, I. A. 1893. *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov: Etnograficheskie nablyudeniya 1884-1886 gg. (Sketches of the life of the Astrakhan Kalmyks: ethnographic observations of 1884–1886)*. Series: Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University) 77. Moscow: "tip. M.G. Volchaninova" Publ. (in Russian).

Kanukov, Kh. B. 1928. *Budda-lamaizm i ego posledstviya (Tibetan Buddhism and its consequences)*. Astrakhan (in Russian).

Kastanye, I. A. 1905. In *Trudy Orenburgskoy uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Orenburg Academic Archival Commission)* 14. Orenburg, 178–187 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsov, K. P. 2011. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)* (11), 9–16 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P. 2011. *Rol' Bukeevskoy Ordy v ukreplenii druzhby, sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazey narodov* (g. Atyrau, 12 maya 2011 g.). (*The role of the Bukey Horde in strengthening friendship, socio-economic and cultural ties between peoples* (Atyrau, May 12, 2011)). Atyrau: Atyrau State University, 59–65 (in Russian).

Koltsov, P. M., Borlikov, G. M., Koltsova, K. P. 2017. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza* (*Scientific thought of Caucasus*) 4, 115–121 (in Russian).

Kostenkov, K. I. 1868. *Statisticheskoye opisanie kalmytskoy stepi Astrakhanskoy gubernii* (*Statistical and economic description of the Kalmyk steppe in the Astrakhan Governorate*) VIII. Saint Petersburg: "Printing house V. Bezobrazova i K^o" Publ. (in Russian).

Lepikhin, I. I. 1771. *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepikhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 g., i 1769 g.* (*Daily notes of the journey of the Doctor and Academy of Sciences associate professor Ivan Lepikhin in different provinces of Russian State in 1768 and 1769*). Part 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Lkhagvasuren, KH. 1994. *Srednevekoveye potrebleniya mongolov (XII–XIV vv.)* (*Medieval burials of the Mongols (XII–XIV centuries)*). Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mefodiy (L'vovskiy, Nikolay Vasil'evich) 1893. *Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoy* (*The Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus of Stavropol Governorate*). Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).

Lytkin, G. S. 1861. *Materialy dlya istorii oyratov* (*Materials for the history of the Oirats*). Astrakhan (in Russian).

Menes, G. 1986. In *Arkheologiyu Sudal* (*Archaeological research*). 11, 93–102 (in Russian).

Nebolsin, P. I. 1852. *Ocherki byta kalmykov Khosheutovskogo ulusa* (*Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshut ulus*). Saint Petersburg: "Tipografiya Karla Krayya" Publ. (in Russian).

Nyam-Ochir, G. 2017. In *Svod znaniy obsledovaniya i vybora mestnosti* (*Collection of knowledge of the survey and selection of the area*). Ulaanbaatar (in Mongolian).

Oldenburg, S. F. 1991. *Kul'tura Indii* (*Indian culture*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pavlov, D. A. 1968. In *Etnograficheskie vesti* (*Ethnographic news*) 1. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 23–47 (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii* (*Traveling across Various Provinces of the Russian Empire*). Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Pal'mov, N. N. 1927. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Ch. 2. XVIII vek* (*Etudes on the history of the Volga Kalmyks. Part 2. XVIII century*). Astrakhan: Kalmyk Regional Executive Committee (in Russian).

Pozdneev, A. M. 1886. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* (*Journal of the Ministry of Public Education*) 244 (2, Mart). Saint Petersburg, 140–170 (in Russian).

Radlov, V. 1894. *Sibirskie drevnosti* (*Siberian antiquities*) Vol. 1 (3). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

In Semenova, A. A. (ed.). 1952. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei* (*Rashid-al-Din. Collection of Chronicles*) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sanchirov, V. 2009. In Tarunov, A. M. (comp.). *Sokrovishcha kul'tury Kalmykii. Nasledie narodov RF* (*Cultural treasures of Kalmykia. The heritage of the peoples of the Russian Federation*). Moscow: "NIITsentr" Publ., 68–74 (in Russian).

Tangat, D. 1992. In Gerasimova, K. M. (ed.). *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* (*The traditional rituals of the Mongolic peoples*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. 127–132 (in Russian).

Sharaeva, T. I. 2010. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (*Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences*) 2, 45–50 (in Russian).

Erdniev, U. E. 1970. *Kalmyki (konets XIX – nachalo XX vv.): istoriko-etnograficheskie ocherki* (*The Kalmyks (late XIX - early XX cc.): historical and ethnographic sketches*). Elista: "Kalm. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Koltsov Petr M., Doctor of Historical Sciences, Professor. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; Petr.koltsov52@mail.ru

Nyamdag Ganbat, PhD, Professor, Kazan Federal University. Kremlevskaya str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chts17@mail.ru

Umgaev Semyon A. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; sam_umg@yahoo.com

Koltsova Kermen P., Candidate of Historical Sciences, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; carmenring@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу